

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-12>

УДК 340

Attribution

cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ
В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА,
ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ

Сачков А.Н.

«Евросиб»

Аннотация. В данной публикации исследуется уголовно-правовая характеристика цифровых финансовых активов в содержании составов преступлений, связанных с легализацией имущества, добытого преступным путём, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ. Анализируется нормативно-правовая природа ЦФА, их виды и функциональные особенности, обусловленные развитием цифровой экономики и технологий распределённого реестра. Уделяется внимание специфике цифровых активов как предмета легализации. Раскрываются особенности уголовно-правовой оценки операций с цифровыми финансовыми активами, приобретёнными в результате совершения преступления либо используемыми для сокрытия их преступного происхождения. Обосновывается необходимость уточнения критериев квалификации соответствующих деяний с учётом трансформации форм имущественного оборота в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, легализация доходов, отмывание денег, имущество, добытое преступным путём, цифровая валюта, распределённый реестр, блокчейн, уголовная ответственность, предмет преступления.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS
IN CRIMES OF LEGALIZATION OF PROPERTY OBTAINED BY CRIMINAL MEANS

Andrey N. Sachkov

«Eurosib»

Abstract. The article examines the criminal law characteristics of digital financial assets in the context of crimes related to the legalization of property acquired by criminal means, as provided for in Articles 174 and 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the legal nature of digital financial assets, their types, and functional features, which are influenced by the development of the digital economy and distributed ledger technologies. The article also focuses on the specific features of digital assets as objects of legalization.

The article reveals the features of the criminal law assessment of transactions involving digital financial assets acquired as a result of committing a crime or used to conceal their criminal origin. The article substantiates the need to clarify the criteria for qualifying such acts, taking into account the transformation of property turnover in the context of digitalization of the economy.

Keywords: digital financial assets, income legalization, money laundering, property acquired through criminal means, digital currency, distributed ledger, blockchain, criminal liability, subject of crime.

Funding: Independent work.

Введение.

Легализация денежных средств и иных имущественных благ, полученных преступным путём, представляет собой одну из наиболее острых проблем как для национального уголовного законодательства России, так и для всего международного сообщества, поскольку она способствует криминализации реального сектора экономики и ослабляет контроль над финансовыми потоками.

Процесс придания законного вида доходам, приобретённым преступным путём, наносит существенный ущерб экономической системе, подрывая устойчивость легального сектора экономики и доверие к финансовым институтам.

В последние годы цифровые финансовые активы (далее - ЦФА) приобретают ключевое значение в

глобальной финансовой системе, выступая инструментом, способным преодолевать ограничения, налагаемые санкциями, а также технологические и финансовые барьеры. Их высокая ликвидность, возможность дистанционного оборота и анонимность транзакций создают благоприятные условия для вовлечения в схемы отмывания доходов, приобретённых незаконным образом.

В рассматриваемом контексте, ЦФА выступают не просто предметом финансовых операций, но и составляют содержание объекта уголовно-правовой охраны будучи интегрированными в систему финансово-экономических отношений.

В этой связи, нам представляется целесообразным более предметно сосредоточиться на разработке специализированных критериев уголовно-правовой квалификации деяний, предусмотренных ст. 174 и 174¹

УК РФ, с учётом особенностей цифровых финансовых активов. Данный формат исследования должен охватывать как определение предмета преступления, включая разнообразные формы ЦФА, так и анализ способов их интеграции в преступные схемы легализации имущества.

Не менее важным, в контексте исследования, комплексный подход к определению критериев квалификации и общественной опасности, что позволит обосновать методологическую основу для дифференцированного правоприменения, а также будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны интересов субъектов финансового оборота.

Обсуждение.

В условиях цифровой трансформации экономики ЦФА постепенно утрачивают характер вспомогательного финансового инструмента и приобретают самостоятельное значение в системе имущественного оборота.

С точки зрения уголовно-правовой доктрины, подобная трансформация имеет принципиальное значение: изменяется не только форма имущественного блага, но и механизм его оборота, что усложняет применение традиционных критериев выявления и квалификации преступных посягательств.

В результате, ЦФА становятся не нейтральным элементом финансовой системы, а потенциальным участником криминально значимых схем, требующих переосмысления подходов к оценке их роли в составе преступлений, связанных с легализацией имущества, добытого преступным путём.

Правовую основу легального обращения ЦФА составляет Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) [1].

В соответствии со ст. 1 данного закона, ЦФА представляют собой цифровые права, выпуск, учёт и обращение которых возможны исключительно посредством внесения или изменения записей в информационной системе на основе распределённого реестра, а также в иных информационных системах.

К числу цифровых финансовых активов относятся денежные требования, права на эмиссионные ценные бумаги, участие в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Таким образом, ЦФА повышают эффективность и технологическую устойчивость предмета легального финансового оборота, способствуя развитию инвестиционных и расчётных механизмов. Одновременно с этим, данные качественные особенности обуславливают дополнительные криминологические риски, поскольку ускорение транзакций и высокая прослеживаемость в децентрализованных системах могут сочетаться с возможностями структурирования операций и трансформации следов происхождения активов.

В результате, цифровые финансовые активы приобретают потенциал использования в схемах легализации денежных средств и иного имущества, полученного преступным путём, а также в иных противоправных моделях поведения в финансово-экономической сфере.

Как уже отмечалось, Закон о ЦФА предусматривает их дифференциацию по видам, каждый из которых опосредует самостоятельный комплекс имущественных прав.

Так, денежные требования предоставляют их обладателю право на получение выплат в соответствии с условиями, определёнными решением о выпуске ЦФА. По своей экономико-правовой природе они во многом сопоставимы с традиционными финансовыми инструментами - облигациями, акциями или производными финансовыми инструментами, однако их оборот и реализация осуществляются исключительно в цифровой среде.

Права по эмиссионным ценным бумагам выражаются в возможности требовать исполнения обязательств, закреплённых в решении о выпуске, через оператора информационной системы, что придаёт соответствующим отношениям формализованный и технологически детерминированный характер.

Права участия в капитале непубличного акционерного общества обеспечивают их держателю возможность участия в управлении обществом и распределении прибыли, при этом сохраняется эквивалентность экономического содержания корпоративным правам, но реализуемая в цифровой форме, обеспечивающей дистанционность и оперативность оборота.

Право требования передачи эмиссионных ценных бумаг закрепляет возможность получения соответствующих ценных бумаг при наступлении условий, предусмотренных решением о выпуске ЦФА, либо в установленные им сроки, что придаёт таким правам характер условно-отложенного имущественного притязания в цифровой инфраструктуре.

Наряду с ранее рассмотренными видами цифровых финансовых активов, законодатель выделяет самостоятельные категории, к которым относятся цифровая валюта, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права. Данные инструменты встроены в инфраструктуру цифровой экономики и выполняют различные функциональные задачи, однако объединяющим признаком выступают их высокая ликвидность и способность к быстрому обороту.

В указанной системе особое положение занимает цифровая валюта, обладающая самостоятельным правовым режимом и специфической функциональной природой. Она представляет собой совокупность электронных данных (цифровых кодов или обозначений), фиксируемых в информационной системе и применяемых в качестве средства платежа, не относящегося к официальной денежной единице Российской Федерации, иностранной валюте либо международной расчётной единице, а также используемых в инвестиционных целях.

В отличие от иных цифровых активов, цифровой рубль выступает формой государственной цифровой валюты, эмитируемой Банком России и фактически приравненной по своему экономико-правовому содержанию к наличным и безналичным денежным средствам [2, с. 46]. Его эмиссия и оборот осуществляются в строго регламентированном правовом поле, предполагающем комплексный контроль операций, в том числе в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём. Функционирование цифрового рубля обеспечивается специализированной платформой, фиксирующей все транзакции и создающей условия для их полной прослеживаемости.

Тем самым, цифровой рубль сочетает технологические преимущества цифровой формы с высоким уровнем публично-правового регулирования, что объективно ограничивает возможности его использования в противоправных схемах. Напротив, стейблкоины, обладая более гибкой архитектурой и менее жёстким регуляторным режимом, сохраняют повышенный криминальный потенциал и могут рассматриваться как потенциальный предмет уголовно-правовой оценки в рамках составов, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ [3, с. 829].

Следующую категорию предметной области исследуемых составов преступлений, образуют цифровые права, включающие денежные требования, возможность реализации прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг в объёме, установленном решением о выпуске соответствующих цифровых финансовых активов.

Таким образом, цифровые финансовые активы, урегулированные положениями Закона о ЦФА, занимают существенное место в предметной области анализируемых составов преступлений, поскольку их технологические и экономические свойства одновременно обеспечивают эффективное функционирование в легальном обороте и формируют объективные предпосылки для вовлечения в противоправные схемы.

В этой связи, в доктрине уголовного права традиционно предпринимаются попытки квалифицировать легализацию имущества как разновидность прикосновенности к преступлению [4, с. 408]. Однако подобная концептуальная конструкция не в полной мере отражает современную динамику финансовых отношений и специфику цифровых активов. Системный анализ показывает, что легализация цифровых и иных имущественных активов, полученных преступным путём, выходит за рамки пассивного содействия или укрывательства и приобретает характер самостоятельной формы преступного поведения, направленного на интеграцию незаконно полученного имущества в легальный экономический оборот.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость более дифференцированного подхода к уголовно-правовой квалификации соответствующих

деяний, а также учёта специфики цифровых финансовых активов при применении положений ст. 174 и 174¹ УК РФ.

В то же время, в литературе, встречается мнение, согласно которому легализация имущества рассматривается как одна из форм прикосновенности к преступлению [5, с. 200]. Вместе с тем, с точки зрения системного уголовно-правового анализа, такой подход представляется некорректным [6, с. 178]. Легализация цифровых или иных активов, полученных преступным путём, не является формой прикосновенности в классическом понимании, поскольку она не ограничивается пассивным попустительством, укрывательством или несообщением о преступлении, а представляет собой самостоятельное противоправное деяние, направленное на интеграцию незаконно полученного имущества в легальный оборот.

Следует отметить, что легализация имущественных благ, в том числе цифровых финансовых активов, может иметь двойственный эффект для правоприменительной практики: с одной стороны, она усложняет работу правоохранительных органов, скрывая источники происхождения активов; с другой, способствует выявлению цепочки незаконных операций, позволяя установить участников преступной схемы и происхождение имущества.

В условиях цифровизации экономики - это особенно актуально, поскольку цифровые активы, такие как NFT-токены, криптовалюта или токенизированные ценные бумаги, обладают высокой ликвидностью, оборотоспособностью и потенциальной анонимностью, что создаёт дополнительные риски их вовлечения в схемы незаконного обращения [7, с. 140].

В уголовно-правовой доктрине выделяются два основных способа придания легального характера имуществу, приобретённому преступным путём:

- совершение финансовых операций или иных сделок с денежными средствами и (или) имуществом, заведомо приобретёнными преступным путём. При этом «финансовая операция» в данном случае охватывает широкий спектр действий, включая прямые транзакции, конвертацию цифровых активов и иные сделки, что позволяет рассматривать их как юридически и экономически сопоставимые с легальными финансовыми операциями;

- интеграция имущества в легальный оборот путём оформления на третьих лиц, создания фиктивных договорных отношений или использования цифровых платформ для маскировки источника средств. В отношении NFT это может включать выпуск, продажу или передачу токенов через цифровые маркетплейсы, платформы DeFi или метавселенные, что формирует видимость законной инвестиционной деятельности при фактическом участии в противоправной схеме [8, с. 190].

Результаты.

В современном экономическом обороте ЦФА следует рассматривать как формирующийся сегмент имущественных отношений, в рамках которого традиционные конструкции гражданского права получают

технологически опосредованное выражение. Их появление связано не столько с созданием принципиально новых видов имущества, сколько с трансформацией способов фиксации и обращения уже известных имущественных прав в цифровой среде.

С одной стороны, ЦФА выступают инструментом расширения инвестиционных возможностей и повышения гибкости финансового рынка, обеспечивая более быстрые и формализованные механизмы перераспределения капитала. С другой стороны, их технологическая природа, высокая скорость оборота, дистанционный характер совершения сделок и сложность идентификации конечного бенефициара, объективно усиливает уязвимость соответствующих отношений к противоправному использованию.

При этом важно подчеркнуть, что токены электронных денег не включаются в категорию цифровых финансовых активов, поскольку они не обладают индивидуализированностью и специфическими правами, характерными для инвестиционных или имущественно-значимых токенов.

С учётом этого, цифровые финансовые активы выступают самостоятельным объектом имущественных отношений и могут использоваться в механизмах противоправного обращения денежных средств и иного имущества, что имеет прямое значение для квалификации их легализации (отмывания) как преступления по ст. 174 и 174¹ УК РФ [9, с. 8].

В силу своей уникальной экономической и правовой природы, цифровые финансовые активы создают повышенные риски вовлечения в противоправные схемы: их высокая ликвидность, способность к обороту на глобальных цифровых площадках, и интеграция с децентрализованными платформами создают возможности для организации схем отмывания преступных доходов, которые требуют дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке и разработки методологических критериев их квалификации.

Внедрение технологий блокчейн и смарт-контрактов создаёт возможность формирования новых инвестиционных продуктов с комплексными условиями участия и распределения прав, что способствует развитию венчурного финансирования и одновременно обеспечивает защиту интересов как инвесторов, так и стартапов.

Вместе с тем, наряду с преимуществами блокчейн-технологий и смарт-контрактов, инновационная природа цифровых активов создаёт новые угрозы для участников рынка. К числу наиболее значимых относятся инфраструктурные риски, связанные с функционированием операторов информационных систем и используемых технологий, недостаточная стандартизация требований к отчётности, рейтинговой оценке и аудиту, а также отсутствие развитой инфраструктуры вторичного рынка и обменных платформ, что ограничивает ликвидность активов и затрудняет объективную оценку их экономической ценности.

В то же время, высокая инновационность цифровых активов сопряжена с целым рядом рисков. Среди них следует выделить инфраструктурные риски, связанные с функционированием операторов информационных систем и используемых технологий, что накладывает на эмитентов дополнительные премии за риск; риски, обусловленные недостаточными требованиями к отчётности, рейтинговой оценке и аудиту, а также отсутствие развитой инфраструктуры вторичного рынка и операторов обмена, что ограничивает ликвидность активов и затрудняет оценку их экономической ценности. Эти обстоятельства усиливают уязвимость ЦФА к противоправному использованию, в том числе к схемам легализации преступно полученных средств, и делают необходимым выработку специальных критериев их уголовно-правовой квалификации.

Заключение.

Цифровые финансовые активы в условиях цифровой экономики являются не просто технологической формой закрепления имущественных прав, а своеобразным элементом финансовой реальности, в котором юридические конструкции переплетаются с алгоритмами распределённых информационных систем. Их функционирование опирается на цифровую инфраструктуру, где право на имущество существует не в привычной материальной оболочке, а в виде цифрового кода, закреплённого в сети и подтверждаемого технологическими механизмами.

Такое «расщепление» традиционного имущественного объекта на цифровой код и его правовое содержание придаёт ЦФА особую подвижность. Они легко переходят от одного участника к другому, пересекают национальные юрисдикции, а их движение фиксируется не бумажными документами, а цепочкой криптографически защищённых записей. На практике это можно сравнить с непрерывным потоком, в котором каждая транзакция оставляет след, но сам объект не утрачивает своей ликвидности и скорости обращения.

В рамках уголовно-правовой оценки именно эта особенность приобретает ключевое значение. Там, где ранее оборот имущества был ограничен физической проверяемостью и документальным контролем, цифровая среда создаёт иную конфигурацию рисков. Поэтому включение цифровых финансовых активов в систему уголовно-правового анализа не носит формального характера. Оно отражает изменение самой природы имущественного оборота, в котором традиционные критерии «вещности» постепенно уступают место цифровым конструкциям фиксации прав.

В этом смысле, ЦФА становятся не периферийным элементом финансовой системы, а её новым функциональным центром, требующим переосмысления подходов к оценке их роли в механизме преступлений, связанных с легализацией имущества, добытого преступным путём.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // <https://www.consultant.ru> (дата обращения 13.03.2026).
2. Городецкая О. Ю., Гобарева Я. Л. Цифровой рубль: история развития и его специфические особенности // Финансовые рынки и банки. 2024. №1. С. 42–47. EDN: LZCWYW
3. Сидоренко Э. Л. Легализация преступных доходов с использованием DeFi: типовые схемы и индикаторы риска // Russian Journal of Economics and Law. 2023. №4. С. 822–836. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.4.822-836 EDN: DUPSPN
4. Рыбакова Т. И. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём // Вопросы российской юстиции. 2023. №24. С. 406–415. EDN: KDGLPV
5. Якушин В. А. Прикосновенность к преступлению (вторичная преступность) в уголовном праве // Вестник ВУиТ. 2022. №2 (101). С. 195–205. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_2_195 EDN: YYNXPJ
6. Рясов А. А., Пономарева А. В. К вопросу о легализации доходов, добытых преступным путем, совершаемой с использованием криптовалюты // Философия права. 2025. №1 (112). С. 177–182. EDN: FRKICU
7. Антонова Д. В. Цифровые финансовые активы как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2025. №7. С. 139–145. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-139-145 EDN: GWBCGI
8. Романова А. С. Цифровые активы как новые предметы легализации преступных доходов // Закон и право. 2025. №8. С. 188–192. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-188-192 EDN: LJECXO
9. Кушниренко М. Р. Выпуск цифровых финансовых активов с использованием цифровых платформ: возможности и риски для участников финансовой операции // Известия ВУЗов ЭФУП. 2023. №2 (56). С. 6–16. DOI: 10.6060/ivcofin.2023562.638 EDN: BMUTXR.

References:

1. On digital financial assets, digital currency, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 (as amended on December 15, 2025) // <https://www.consultant.ru> (accessed March 13, 2026).
2. Gorodetskaya O. Yu., Gobareva Ya. L. Digital Ruble: History of Development and Its Specific Features // Financial Markets and Banks. 2024. No. 1. Pp. 42–47. EDN: LZCWYW
3. Sidorenko E. L. Legalization of criminal proceeds using DeFi: typical schemes and risk indicators // Russian Journal of Economics and Law. 2023. No. 4. Pp. 822–836. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.4.822-836 EDN: DUPSPN
4. Rybakova T. I. Legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means // Issues of Russian Justice. 2023. No. 24. Pp. 406–415. EDN: KDGLPV
5. Yakushin V. A. Involvement in a crime (secondary criminality) in criminal law // Vestnik VUiT. 2022. No. 2 (101). Pp. 195–205. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_2_195 EDN: YYNXPJ
6. Rysov A. A., Ponomareva A. V. On the issue of legalizing incomes obtained by criminal means, committed using cryptocurrency // Philosophy of Law. 2025. No. 1 (112). Pp. 177–182. EDN: FRKICU
7. Antonova D. V. Digital financial assets as an object of crimes under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Law. 2025. No. 7. Pp. 139–145. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-139-145 EDN: GWBCGI
8. Romanova A. S. Digital assets as new objects of legalization of criminal proceeds // Law and Law. 2025. No. 8. Pp. 188–192. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-188-192 EDN: LJECXO
9. Kushnirenko M. R. Issuance of digital financial assets using digital platforms: opportunities and risks for participants in a financial transaction // Izvestiya VUZov EFiUP. 2023. №2 (56). pp. 6–16. DOI: 10.6060/ivcofin.2023562.638 EDN: BMUTXR.

Информация об авторе:

Сачков Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, арбитражный управляющий, Ассоциация еврайская саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Евросиб», sachkov_a@mail.ru
Andrey N. Sachkov, PhD in Law, Arbitration Administrator, Association of Euroasian Self-regulatory Organization of Arbitration Administrators EuroSib

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.04.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.